

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-5-113-128

«Старый учитель» В.С. Гроссмана:
четыре варианта одного рассказа

Юлия А. Волохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, carica77@yandex.ru*

Аннотация. В статье прослеживается история смысловых метаморфоз, происходящих с рассказом В.С. Гроссмана «Старый учитель» в период с 1943 по 1962 г. Впервые проводится текстологическая сверка всех опубликованных вариантов рассказа с архивной машинописью, все выявленные расхождения тщательно анализируются, а сам сюжет «Старого учителя» переосмысливается в свете вновь открывшихся фактов.

Проведенное исследование показывает, что ближе всего к авторскому замыслу журнальная публикация в «Знамени». В поздних редакциях в результате цензурных правок главный герой – Борис Исаакович Розенталь – из еврейского учителя и цадика превращается в обычного доброго, но слабого человека, самоубийца Виктор Вороненко становится народным героем, а образ доктора Вайнтрауба упрощается и оказывается в меньшей степени связан с еврейской темой. Многие изображенные автором реалии военного времени, в том числе рассказывающие о судьбе евреев на оккупированных территориях, также последовательно редуцируются.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, рассказ, «Старый учитель», Холокост, цензура, антисемитизм, хасидизм, Бердичев, фашизм

Для цитирования: Волохова Ю.А. «Старый учитель» В.С. Гроссмана: четыре варианта одного рассказа // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 85–112. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-5-113-128

“The Old Schoolmaster” by V.S. Grossman:
Four versions of the novel

Yuliya A. Volokhova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
carica77@yandex.ru*

Abstract. The article deals with semantic changes which suffered V.S. Grossman’s story “The Old Schoolmaster” in the period from 1943 to

© Волохова Ю.А., 2019

1962. For the first time the researcher compares all published versions of the text with archival typewritten manuscript and analyzes carefully the detected differences based on the cultural and historical situation of the epoch. Even the plot of the story “The Old Schoolmaster” reconsidered now in the light of newly discovered facts.

The article demonstrates that the magazine “Znamya” publication (1943) was the most faithful to the original author’s idea. In the later editions as a result of censor changes the main character – Boris Isaakovich Rosenthal – turns from the Jewish teacher and tzaddik into a common kind, but weak person, and the image of Dr. Weintraub is greatly simplified and becomes less associated with the Jewish theme. Many of the wartime realities depicted by the author, including those relating to the fate of Jews in the occupied territories, are also consistently reduced.

Keywords: V.S. Grossman, story, “The Old Schoolmaster”, Holocaust, censorship, antisemitism, hasidism, Berdichev, fascism

For citation: Volokhova YuA. “The Old Schoolmaster” by VS. Grossman: Four versions of the novel. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series.* 2019;5:85-112. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-5-113-128

Введение

Рассказ В.С. Гроссмана «Старый учитель» – первое художественное произведение, посвященное Катастрофе, как в творчестве писателя, так и в истории мировой литературы¹. Он был написан в 1943 г. и опубликован в августовском номере журнала «Знамя» [1]. Темы, впервые заявленные автором в рассказе, во многом определяют своеобразие художественного мира всего позднего Гроссмана: основные положения «религии» доброты, которую в рассказе исповедует старый учитель Розенталь, писатель отчетливо сформулирует в записках Иконникова; размышлять о мистике материнства и парадоксальном присутствии сакрального на краю расстрельной ямы, на пороге газовой камеры писатель продолжит не только в «Жизни и судьбе», но и в других поздних произведениях («Мама», «Сикстинская мадонна», «Авель» и др.); образ мистического тела народа-мученика появится в «Треблинском аде», «Тиргартене», повести «Все течет» и др.

¹Исключением являются только немногочисленные дошедшие до нас художественные произведения, созданные самими жертвами Катастрофы, например, стихи польской поэтессы Хенрики Лазоверт. Большая часть прозаических текстов подобного рода – сугубо документальные свидетельства, которые в отдельных случаях, подобно текстам члена

Несмотря на то что «Старый учитель» как первый художественный текст о Холокосте занимает уникальное место в мировой культуре, его никогда подробно не анализировали. Отечественные и зарубежные исследователи обращались к рассказу скорее попутно, привлекая лишь отдельные его эпизоды в качестве иллюстраций к собственным рассуждениям. Например, А. Бочаров рассматривает рассказ в череде других произведений писателя военного и послевоенного времени, касающихся еврейской темы, и приходит к выводу, что «Старый учитель» – это «романтическая легенда» [3 с. 155], в которой автор размышляет над природой национального характера и национальной судьбы, а также бессилием покорности еврейской нации [3 с. 152–153]. Американские профессора Дж. Гаррард и К. Гаррард в своей монографии [4] рассматривают лишь те эпизоды из «Старого учителя», которые проливают свет на проблему украинского коллаборационизма во Второй мировой войне. Существенно, что все исследователи, ранее обращавшиеся к рассказу, не предполагали цензуры и опирались на доступные для себя источники, не проводя никакой текстологической сверки. Между тем, сопоставив публикации разных лет, мы обнаружили, что в поздних версиях рассказа (1958 и 1962 гг.) отсутствуют не просто отдельные слова и предложения, но и целые абзацы, в результате чего происходит радикальная трансформация смыслов, проследить которую мы попытаемся в рамках данной статьи.

К сожалению, в личном фонде В. Гроссмана в РГАЛИ мы не обнаружили ни подготовительных материалов, ни рукописи рассказа, однако в фонде «Знамени» сохранилась машинопись с правками автора, редактора и корректора², которая отчасти позволяет судить о том, как меняются смысловые акценты на пути от замысла к воплощению. В процессе анализа, помимо машинописи, мы будем опираться на четыре других варианта рассказа, изданные в 1943 г. в журнале «Знамя» [1], в 1946 г. в сборнике «Годы войны» [5], а также в книгах «Повести. Рассказы. Очерки» 1958 г. [6] и «Старый учитель» 1962 г. [7]. Именно они наиболее ярко иллюстрируют происходящие с текстом метаморфозы³. Мы

зондеркоманды Залмана Градовского, имеют только элементы художественности [2]. Авторство и точную датировку большинства таких произведений невозможно установить. Кроме того, тексты, написанные жертвами Катастрофы, были опубликованы значительно позже гроссмановского рассказа.

² См.: РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107.

³ Помимо указанных изданий, рассказ публиковался еще четырежды. См.: *Гроссман В.С.* Старый учитель. Магадан: Советская Колыма, 1944;

будем останавливаться только на смысловых разночтениях, и не будем касаться незначительных стилистических и пунктуационных расхождений.

*Старый учитель: от цадика до обычного
доброго, но слабого человека*

Действие рассказа происходит в небольшом городе, который автор не называет прямо, желая подчеркнуть универсальный и вневременной характер идей и коллизий, лежащих в ядре повествования. Между тем писатель оставляет в ткани рассказа «ключи», позволяющие сделать однозначный вывод о том, что речь идет о Бердичеве. Так, среди жертв Гроссман упоминает «старого доброго плута электромонтера» Эпельфельда и его сына, у которых есть реальные прототипы – Асир Григорьевич Эпельфельд и его сын Наум⁴. Они действительно жили в Бердичеве, но чудом избежали смерти, совершив успешный побег с несколькими другими узниками-евреями⁵.

Вот первое, что мы узнаём о главном герое рассказа «Старый учитель» – Борисе Исааковиче Розентале, обратившись к машинописи, сохранившейся в РГАЛИ⁶:

Последние годы Борис Исаакович Розенталь выходил из дому лишь в теплые тихие дни. В дождь, в сильный мороз, либо в туман у него кружилась голова. Доктор Вайнтрауб полагал, что головокружения происходят от склероза, и советовал перед едой выпивать рюмку молока с пятнадцатью каплями йода.

Он же. Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гослитиздат, 1945; *Он же.* Годы войны: очерки и рассказы. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во худ. лит., 1945; *Он же.* Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гослитиздат, 1946. Данные варианты идентичны версии рассказа 1946 г., избранной нами для анализа.

⁴ Наум Эпельфельд оставил мемуарные свидетельства о событиях в Бердичеве и судьбе евреев в период оккупации (см. об этом: [8]).

⁵ Об этом писатель узнает только через несколько лет, после того как в январе 1944 г. вместе с советскими войсками войдет в родной город. От выживших писатель узнает и о том, что вместе с женой, тещей и 16-летней дочерью Эпельфельда 15 сентября 1941 г. была расстреляна его мать – Екатерина Савельевна Гроссман (Витис).

⁶ Здесь и далее при цитировании фрагментов машинописи графически передается правка, внесенная редактором и корректором «Знамени». Особые случаи оговариваются отдельно.

В теплые дни Борис Исаакович выходил во двор с книжкой. Во двор он не брал философских книг, там его развлекали возня детей, смех и руготня женщин. Он брал с собой томик Чехова и садился на скамейке возле колодца. Он держал открытую книгу на коленях и, глядя все на одну и ту же страницу, сидел, полузакрыв глаза, с сонной улыбкой, которая бывает у слепых, прислушивающихся к тому, как шумит жизнь. Он не читал, но привычка к книге была в нем настолько сильна, что ему необходимым казалось поглаживать шершавый переплет, проверять дрожащими пальцами толщину страницы⁷.

В первых же абзацах перед читателем предстают три измерения. Первое – сиюминутное, будничное, материальное, оно изображается через описание бытовых (ругань женщин, игры детей и пр.), а иногда и сугубо физиологических подробностей (склероз, головокружение и пр.). Благодаря этим деталям мы понимаем, что Розенталь – пожилой человек, многое переживший, но не утративший любви и интереса к жизни. Второе, менее очевидное измерение – историческое и биографическое. Так, главный герой держит в руках томик Чехова, который был одним из любимых авторов самого Гроссмана. Стоит ли за фигурой главного героя какое-либо реальное лицо – нельзя сказать наверняка, но, без всякого сомнения, Розенталь соединяет в себе черты, характерные для традиционных еврейских учителей – меламедов и хасидских цадииков, самым знаменитым и почитаемым из которых в Бердичеве был и остается Леви Ицхак бен Меир⁸. Третьим измерением является идейно-философский и самый глубинный пласт повествования, который, с одной стороны, намеренно маскируется автором по причине самоцензуры, с другой – становится менее очевидным в результате работы редактора.

Существенно, что первая характеристика, которую дает автор главному герою – это его любовь к философской литературе. Сильная привычка к книге связывает старого учителя с еврейской традиционной культурой, характерной чертой которой был книгоцентризм [10 с. 60]. Розенталь отдает предпочтение чтению философской (естественно предположить, что и религиозной) литературы в тихой, домашней обстановке, томик же Чехова он бе-

⁷ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 10.

⁸ Аналогичную привязанность к книгам и чтению с раннего возраста испытывает и будущий бердичевский раввин: «С раннего детства рабби Леви Ицхак был *илуем*. Вместо того чтобы играть со своими сверстниками, он часами сидел над книгами, с жадностью поглощая страницу за страницей» [9 с. 11].

рет с собой на улицу вовсе не для чтения, а скорее из-за привычки постоянно держать в руках книгу. Подобным образом Розенталь характеризуется только в машинописи и «Знамени», в последующих изданиях этот фрагмент видоизменяется. В сборнике «Годы войны» сохраняется упоминание о «философских книгах», однако отсутствие отдельных слов может подталкивать и к иным трактовкам: у Розенталя в домашней библиотеке были философские книги, но он не брал и не читал их не только во дворе, но и дома, предпочитая развлекать себя наблюдением за происходящим на улице и чтением Чехова.

В теплые дни Борис Исаакович выходил во двор. Он не брал философских книг: его развлекали возня детей, смех и руготня женщин. С томиком Чехова он садился на скамейке возле колодца [5 с. 143].

В сборниках 1958 и 1962 гг. упоминание о философских книгах исчезает вовсе, что радикально смещает смысловые акценты и восприятие читателем главного героя.

В теплые дни Борис Исаакович выходил во двор. Его развлекали возня детей, смех и руготня женщин. С томиком Чехова он садился на скамейке возле колодца [6 с. 252, 7 с. 472].

В последних трех изданиях исчезает и морально-нравственная оценка, которую дает Розенталь тем разговорам, которые он слышит на улице:

...он слушал бесстыдные разговоры старух о своих невестках и зятях...⁹ [1 с. 95].

...он слушал разговоры старух о своих невестках и зятях... [5 с. 143, 6 с. 252, 7 с. 473].

Интересно, что в машинописи и в текстах первых двух публикаций разница в отношении Розенталя к двум типам литературы – философской и светской – особенно подчеркнута: Чехов неинтересен герою, он берет книгу по привычке и, уронив, не поднимает ее.

Борис Исаакович уронил книгу и не стал поднимать ее – он смотрел на огромные глаза [девочки], внимательно и жадно следившие, как он ел. Ему вновь захотелось понять вечно удивлявшее его чудо человеческой доброты, он хотел вычитать его в этих детских глазах.

⁹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 10.

Но, видно, слишком темны были они, а может быть, слезы помешали ему, но он снова ничего не увидел и снова ничего не понял¹⁰.

В версиях рассказа 1958 и 1962 гг. этот фрагмент опубликован с купюрами. Исчезает как упоминание об оброченной и не поднятой книге, так и последнее предложение, где автор заостряет внимание на том, что Розенталь не может осмыслить природу человеческой доброты:

Борис Исаакович смотрел на огромные глаза, внимательно и жадно следившие, как он ел. Ему вновь захотелось понять вечно удивлявшее его чудо человеческой доброты, он хотел вычитать его в этих детских глазах [6 с. 253, 7 с. 473].

В трех первых редакциях, где сохраняется упоминание о «философских книгах», ткань повествования разрывается обширным комментарием нарратора, объясняющим природу взаимоотношений героя с книжной культурой и миром в целом. В машинописной и журнальной версиях тексты авторского философского отступления идентичны, в издании 1946 г. этот фрагмент опубликован с купюрами, а в двух поздних публикациях полностью отсутствует.

Он любил книги – книги не стояли стеной между ним и жизнью, они были канатами, привязывавшими его к жизни. Богом была жизнь. И он познавал бога живого, земного, грешного бога, читая историков и философов, читая великих и малых художников, которые каждый в силу свою славили, оправдывали, винили и кляли человека на прекрасной земле. Он сидел во дворе и слышал пронзительный детский голос...¹¹ [1 с. 95].

Он любил книги – книги не стояли стеной между ним и жизнью. Богом была жизнь. И он познавал бога, – живого, земного, грешного бога, читая историков и философов, читая великих и малых художников, которые каждый в силу свою славили, оправдывали, винили и кляли человека на прекрасной земле. Он сидел во дворе и слышал пронзительный детский голос [5 с. 143–144].

Он слышал пронзительный детский голос [6 с. 252, 7 с. 473].

¹⁰Там же. Л. 11. Пометки корректора, сделанные карандашом (вставка «девочки» и вычеркивание «и жадно»), не были приняты редактором, поэтому и в журнальной версии рассказа, и в сборнике «Годы войны» текст дан в том виде, как он был задуман автором.

¹¹Там же. Л. 10–11.

Итак, мы видим, что и в архивной версии, и в журнальной публикации Гроссман высказывает важное соображение о нераздельности мира, книг и Бога, делая своего героя носителем одной из ключевых хасидских идей¹². В этом контексте неслучайным оказывается и уподобление книг канатам, привязывающим человека к жизни, а значит и к Богу. Тора, заповеди и – шире – священные тексты вообще в традиционной еврейской среде и по сей день часто сравниваются со спасительными канатами, которые Бог дарует людям¹³. Возможно, что редактору, который готовил к печати сборник «Годы войны» 1946 г., это расхожее и понятное для человека из традиционной религиозной среды сравнение показалось странным. Основной причиной, по которой фрагмент исчезает из двух поздних редакций, очевидно, является хрущевская антирелигиозная кампания, пик которой пришелся на 1958–1964 гг.

В машинописной версии рассказа тема человеческой доброты сквозная: она является главным предметом философских размышлений Розенталя, она же лежит в основании его веры, ее он ищет и ее мистическим образом обретает в финале. Однако она значительно ослабляется во всех публикациях в результате редакторской правки. Так, старый учитель сообщает доктору Вайнтраубу, что именно иррациональная доброта, вопреки всему рождающаяся в глубине человеческого сердца, лежит в основании его веры:

Я никогда не имел иллюзий – я знал и знаю жестокость жизни. Но я верил и верю в чудо человеческой доброты¹⁴.

В этой же тональности в машинописи звучит авторский голос при описании последнего путешествия покончивших с собой доктора Вайнтрауба и членов его семьи:

В страшные эти времена кровь, страдания и смерть никого не трогали, потрясала людей, лишь любовь и доброта. И когда человек видел, чувствовал любовь, верность, доброту, то он начинал плакать будь то все уже проживший старик или измученная потерями близких и невзгодами женщина¹⁵.

¹² «Сущность религиозно-философского учения Х. заключается прежде всего в принципе своеобразного *«пантеизма»*, признающего, что весь мир – это проявление Божества» [11 с. 1145].

¹³ «Как капитан бросает спасательный канат упавшему за борт матросу, так Всевышний дает нам заповеди. И благодаря им мы живем в близости к Б-гу – на борту надежного корабля» [12].

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 31.

¹⁵ Там же. Л. 33.

Во всех публикациях отсутствуют не только последние предложения из данных фрагментов, но и высказанная в архивной версии мысль о том, что человек жив, только когда способен проявлять иррациональную доброту к другим. Именно по этому признаку на уровне замысла автор противопоставляет Розенталя и доктора Вайнтрауба: первый проявляет доброту по отношению ко всем, кто встречается на его пути; второй – мертв еще при жизни, потому что не наделен этим даром.

Он хорошо лечил людей, доктор Вайнтрауб, но не любил лечить бесплатно. Никому никогда он не делал такого богатого подарка. Он был живой покойник¹⁶.

Мысль о том, что бессмысленная доброта поддерживает и сохраняет жизнь человека, не покажется случайной и малозначимой, если учитывать, что Розенталь был задуман автором как олицетворение традиционного еврейского учителя и цадика. В контексте хасидизма, а также Танаха и Талмуда в целом, наилучшим эквивалентом иррациональной доброты является понятие «хесед». Согласно «Ветхозаветному богословскому словарю», хесед – «это активное, неизменное [качество], проявляемое в отношениях между людьми. <...> ...[Хесед] всегда подразумевает не только отношение человека к кому-либо, но и действие, к которому побуждает такое отношение. Это действие, которое сохраняет или поддерживает жизнь. Это вмешательство на благо того, кто переживает несчастье или беду. Это проявление дружбы и верности. Это стремление к добру, а не к злу» [13 с. 51]. Само слово «хасид» – «друг» или «святой» является производным от «хесед» [14 с. 4].

О рабби Леви Ицхаке, который мог быть прототипом главного героя, известно, что он «не только сам был примером хеседа по отношению к обездоленным, но и требовал того же от других» [10 с. 24]. Практически обо всех хасидских цадилах и выдающихся раввинах сообщается именно это, но в случае с бердичевским раввином это выделяется особо: даже фамилия цадика – Дерберемдикер – с идиш переводится как «милосердный» [15 с. 256].

Примечательно, что многие герои рассказа изображаются как вполне добропорядочные люди, но только Розенталем движет иррациональная доброта (хесед): вместо себя он просит эвакуировать из города раненого и вдову с ребенком; он же принимает под свой кров выселенных евреев и помогает в трудную минуту Даше

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 33–34.

Вороненко. Старый учитель как истинный цадик более всего озабочен спасением душ других. Так, в машинописи читаем:

– Даша, вы хотите остаться одни, я вместо вас наношу воды, вы посидите здесь сколько нужно для вашей души. Виталика я накормил холодной пшенной кашей¹⁷.

Данное место на полях выделено карандашом, но будет опубликовано без купюр как в «Знамени» [1 с. 106], так и в послевоенном сборнике «Годы войны» [5 с. 161], а вот в поздних редакциях 1958 г. [6 с. 271] и 1962 г. [7 с. 492], где сама роль Розенталя как душепопечителя значительно редуцируется, фраза «сколько нужно для вашей души» исчезает. В этом контексте интересна дальнейшая судьба Даши Вороненко: она, не будучи еврейкой, останется жива и «потом уйдет в монашки». Краткая авторская ремарка о будущем героини присутствует во всех публикациях.

Этот и многие другие эпизоды «Старого учителя» возможно адекватно понять и прочесть только если держать в голове мысль о том, что Розенталь был задуман автором как еврейский учитель и святой. Именно в этом качестве он горячо страдает за свой народ, опасаясь, что в сердцах и душах евреев угаснет доброта. По этой же причине он открыто не сопротивляется злу, предпочитая разделить горькую участь своего народа. При этом вполне очевидно, что отказываясь принимать яд в финале, Розенталь следует не путем покорности, как полагает А. Бочаров, а путем ребенка, путем милости, прощения и любви, путем хеседа, т. е. единственно возможным путем для любого образцового хасидского цадика. При этом ни автор, ни его герой, размышляя над стратегиями поведения человека перед лицом зла, не отвергают самой возможности сопротивления. Так, Хаиму Кулишу, который готовится ударить в лицо одного из немецких солдат, ведущих евреев на смерть, старый учитель говорит: «Вы молодец Кулиш, ...вы сказали настоящее слово»¹⁸.

Если Розенталь был задуман писателем как человек, имеющий особый статус в еврейской общине, то вполне понятно, почему к нему за советом и помощью приходят все без исключения герои рассказа и почему выселенные евреи собираются именно в его доме накануне расстрела. Более того, в этом свете как сюжет «Старого учителя» в целом, так и многие, казалось бы, незначительные детали обнаруживают глубокий символический и даже метафизический

¹⁷РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 36.

¹⁸Там же. Л. 40.

подтекст. Чтобы продемонстрировать это, обратимся к описанию предпоследней ночи перед расстрелом:

В сумерках Розенталь поставил на стол подсвечники, достал из шкафа две свечи. Он их давно берег. Каждая из них была завернута в синюю бумагу. Он зажег обе свечи¹⁹.

Все указывает на то, что события разворачиваются перед наступлением шаббата, когда герой вспоминает священный религиозный ритуал, связанный со встречей субботы. Иначе нельзя объяснить причину, по которой Гроссман делает особый акцент на свечах и их количестве. В иудаизме зажигание субботних свечей – особая заповедь. Хотя она и относится ко всей семье, принято, чтобы свечи зажигала именно хозяйка дома – мать или жена, чтобы искупить грех первой женщины (Хавы), которая привела в мир смерть и погасила «свечу мира». Если женщины в доме нет (как в случае с героем гроссмановского рассказа), то этот ритуал должен исполнить мужчина. Принято зажигать минимум две свечи, которые уподобляются двум речениям из Торы: шамор везахор (помни и храни субботний день).

Эпизод с зажиганием субботних свечей присутствует во всех версиях рассказа и причиной тому, вероятно, служит неосведомленность цензоров о традиционных религиозных ритуалах иудаизма. Косвенно подтверждает это тот факт, что в машинописи и в «Знамени» сообщается, что с наступлением сумерек Розенталь ставит на стол подсвечники. Однако во всех последующих изданиях фигурирует уже только один подсвечник, хотя упоминание о двух свечах сохраняется.

Итак, старый учитель, возвращаясь в мыслях к тому, что делала его мать перед наступлением субботы, перебирает «ворох своих воспоминаний» и подводит итоги жизни, а обреченные на смерть евреи, собравшиеся в доме Розенталя, становятся его семьей. Розенталь вспоминает: сотни людей, своих учеников и учителей, врагов и друзей, книги, неудачную жестокую любовь, пережитую шестьдесят лет тому назад и положившую холодную тень на всю его жизнь, годы бродяжничества и годы труда, душевные шатания от страстной, исступленной религиозности к ясному, холодному атеизму, горячие, фанатические, непримиримые споры. Мы узнаем, что «когда-то он учил детей в еврейской профессиональной школе, потом, после революции, он преподавал алгебру и геометрию в десятилетке» [5 с. 162]. В еврейской школе Розенталь преподавал до 57-ми лет, а уже после революции, чтобы «жить в столице, писать

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 35.

книги, печататься в газетах», он вынужден работать в обычной школе, «споря со всем миром». Очевидно, что, подобно главному герою «Жизни и судьбы» – Виктору Штруму, он вынужден и приспособливаться, и идти на компромиссы с совестью. В результате Розенталь признает, что «жизнь не удалась ему». При этом Борис Исаакович ни о чем не жалеет, страстно желая только одного – чуда, которого он не мог понять, – любви. Розенталь всю жизнь был источником этой иррациональной любви (хеседа), но эта любовь никогда не была обращена к нему:

Он не знал ее – в раннем детстве воспитываясь после смерти матери в семье дядьки, в юности познав горечь женской измены, всю жизнь свою он прожил в мире благородных мыслей и разумных поступков. Он знал жестокость жизни и он не мог понять почему в жизни неестренимо живут любовь и доброта²⁰.

Последнее предложение в машинописи было вычеркнуто, но его присутствие в архивной версии в очередной раз указывает на то, что идейным ядром рассказа являются философские размышления автора над природой хеседа. Интересно, что помимо вычеркнутого предложения, в сборниках 1958 и 1962 гг. отсутствует и последняя часть первой фразы:

Он не знал ее. В раннем детстве воспитывался после смерти матери в семье дядьки, в юности познал горечь женской измены [6 с. 273, 7 с. 494].

Обрывочные сведения, которые дает автор о судьбе героя, не позволяют с уверенностью судить о том, в какой момент и по какой причине религиозность старого учителя сменяется атеизмом. Однако жизненный путь Розенталя поразительно схож с судьбой юродивого Иконникова из «Жизни и судьбы», который, будучи столь же страстно религиозен, идет работать «народным учителем», также проходит через годы бродяжничества, путешествуя по разным странам, и годы труда, когда, движимый идеей, что «сельскохозяйственный коммунистический труд приведет к Царству Божьему на земле» [16 с. 38], вступает в крестьянскую земледельческую коммуну. Наблюдая за ужасами коллективизации, муками военнопленных, казнями евреев в Белоруссии, Иконников и приходит к «холодному атеизму». Венцом духовных поисков «юродивого богоискателя» становится вера в то, что «дурья доброта...

²⁰ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 37.

неистребимо продолжает существовать в людях на краю кровавой глины, у входа в газовню» [16 с. 409]. Буквальной иллюстрацией последнего заключения Иконникова является одна из финальных сцен рассказа, в которой Розенталь встречается с «чудом любви», или с явлением хеседа:

Тяжело дыша, старик держал на руках девочку. Мысль о ней отвлекала его. «Как утешить ее, чем обмануть?» – думал старик, и бесконечно горестное чувство охватило его. <...> Девочка повернулась к нему. Лицо ее было спокойное; то было бледное лицо взрослого человека, полное снисходительного сострадания. И во внезапно пришедшей тишине он услышал ее голос. – Учитель, – сказала она, – не смотри в ту сторону, тебе будет страшно. – И она, как мать, закрыла ему глаза ладонями» [7 с. 168].

У финала есть глубинный символический смысл, который обнаруживается только на фоне общего религиозно-философского контекста рассказа. Дело в том, что женщина, готовящаяся встретить шаббат, после зажигания свечей и перед тем как произнести благословение, прикрывает глаза ладонями, т. е. совершает тот самый жест, который сначала совершала мать старого учителя, а теперь на краю расстрельной ямы совершает маленькая Катя Вайсман. Последняя прямо уподобляется автором матери. При этом у двух субботних свечей, помимо обозначенной нами ранее, есть и другая символика. Числовое значение слова «свеча» на иврите (נר) – 250, взятое дважды, оно дает в сумме 500, что соответствует количеству органов тела мужчины и женщины (248 и 252 соответственно) вместе. Таким образом, на пороге смерти Розенталь и Катя Вайсман мистически сливаются в одно тело, а границы между мужским и женским, молодостью и старостью снимаются. В философско-религиозном смысле они и есть две субботние свечи, источающие божественную любовь (хесед): «Ибо свеча Всевышнего – душа человека» (Мишлей 20:27). Катя Вайсман закрывает Розенталью глаза ладонями, и на этом сцена завершается, но мы знаем, что в тот момент, когда руки девочки отнимутся от лица старого учителя, герои будут убиты, однако ровно в этот миг наступит Суббота – день благословенный и освященный Богом; день покоя и отдохновения; день, знаменующий собой вечный Завет между Богом и народом Израиля.

Есть и другая возможная интерпретация жеста Кати Вайсман: согласно обычаю, при чтении одного из основополагающих литургических текстов иудейской традиции – молитвы «Шма, Израиль...», которая также произносится и перед смертью, – принято закрывать глаза. Мы видим, что хотя учитель стремится защи-

тить и отвлечь маленькую девочку, именно она утешает и защищает его, одновременно напоминая ему о самых важных словах, которые нужно успеть сказать в последние мгновения жизни. Таким парадоксальным образом, слово, которое Розенталя жаждал услышать от других и которое «больше всей мудрости книг о великих мыслях и трудах человека», – это последние слова, которые он сам должен сказать перед смертью.

*Виктор Вороненко:
от самоубийцы до народного героя*

Помимо главного героя, есть и еще один персонаж в рассказе, образ которого в разных редакциях значительно видоизменяется, – это Виктор Вороненко. Он появляется в первой же сцене: старый учитель и доктор Вайтрауб во время диалога о дальнейшей судьбе жителей города, к которому приближаются немцы, слышат раздающийся на лестнице стук костылей Вороненко. Виктор сразу же вступает в конфронтацию с обоими героями: на все вопросы он отвечает им с усмешкой и как бы свысока²¹. Автор изначально противопоставляет Розенталя, как человека книжной культуры, Вороненко, который не испытывает никакого интереса к чтению и даже посмеивается над старым учителем:

– Ну, как книжку прочли? – спросил Борис Исаакович.

– Книжку? – переспросил Вороненко. Он все время усмехался, морщился, – какого хрена книжку, вот будет нам знаменитая книжка [5 с. 147].

Борис Исаакович в этом эпизоде, в отличие от Виктора, который более всего озабочен сиюминутным, изображается как носитель особой мудрости, неподвластной времени:

Он встал во весь рост – ~~высокий, с пышными волосами, легкими и кудрявыми~~. Волосы и лицо его и дрожащие пальцы, и тонкая шея, все было высушено, обесцвечено временем, казалось прозрачным, легким невесомым. И только в глазах была мысль не подвластная времени²².

²¹ Например, на вопрос Вайнтрауба: «А, Витя, как дела?», Виктор отвечает, усмехаясь: «Вот ножку оторвало» [5 с. 147].

²² РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 17. В данном фрагменте синими чернилами вычеркнута часть описания внешности старого учителя, ее мы не увидим ни в одной из опубликованных версий рассказа.

В следующий раз этот персонаж появляется, когда в уже оккупированном немцами городе Яшка Михайлюк выгоняет из квартиры жильцов, проживающих в отнятой у его семьи квартире: отца семейства арестовали и сослали в 1936 г., две комнаты в квартире были отданы Вороненко с женой, а в третью уже во время войны заселили эвакуированную из Житомира семью Вайсманов. Эти события так описываются в архивной версии рассказа:

Потом пьяный Яшка решил очистить свою квартиру от ~~посторонних жильцов~~, ведь до тридцать шестого года весь первый этаж был занят Михайлюками»²³.

Фраза «от посторонних жильцов» вычеркнута в тексте редактором и отсутствует во всех опубликованных версиях «Старого учителя». Прагматика ясна: Яшка Михайлюк должен быть изображен исключительно в темных тонах, как сын осужденного за агитацию, выходец из зажиточной семьи, пьяница, дезертир и коллаборационист. Именно он является врагом народа и «посторонним жильцом», в то время как семья младшего лейтенанта Вайсмана, который защищает Родину, и семья Виктора Вороненко, который теряет ногу на войне и затем открыто противостоит немцам, бросая в здание комендатуры гранату, занимают это жилье по праву. Однако сверка текстов «Старого учителя» показывает, что изначально Виктор был задуман автором как фигура более сложная и неоднозначная. Само упоминание о том, что две комнаты были получены Вороненко сразу после ареста отца Михайлюка, наталкивают на мысль, что причиной ареста могло быть меркантильно-бытовое доношение. Также автор сообщает о том, что Виктор активно участвовал в раскулачивании²⁴ совместно с агрономом Коряко, который «некогда составлял план коллективизации по району», а теперь не только выпивает вместе с предателем Яшкой, но и сам добровольно начинает сотрудничать с немцами. В этом контексте становится понятно, что имущество Михайлюков было отнято в процессе раскулачивания, а сам глава семьи мог быть осужден за антиколхозную агитацию.

Существенно, что уже в первой части рассказа автор делает упор на полярности мировоззренческих установок Вороненко

²³ Там же. Л. 20.

²⁴ Хотя по ряду причин резкая критика политики коллективизации и раскулачивания будет высказана В. Гроссманом только в его поздних произведениях, очевидно, что к моменту написания рассказа «Старый учитель» его позиция по данному вопросу уже была сформирована.

и Розенталя. Поступками первого движут сиюминутные желания и движения души, которые сменяются в зависимости от внешних обстоятельств:

– Я о многом в жизни мечтал, – говорил Виктор Вороненко – то мне хотелось орден Ленина иметь, то хотел свой мотоцикл с коляской, чтобы по выходным ездить с женой к Донцу, был на фронте мечтал семью повидать, сыну привезти железный крест и стуженного молока, а теперь я мечтаю только одно: иметь бы гранат вот бы шухеру наделал [5 с. 151].

На это Розенталь отвечает ему, что вне зависимости от происходящего он предпочитает думать о мире:

– Чем больше думаешь о жизни, тем меньше ее понимаешь. Скоро я перестану думать, но это случится, когда мне разmozжат череп. Пока помешать думать мне бессильны и немецкие танки и американские ~~благодетия~~ – я думаю о мире²⁵.

Текст в «Знамени» и сборнике «Годы войны» в целом следует машинописи за одним исключением: исчезает упоминание об американской программе ленд-лиза. В изданиях же 1958 и 1962 гг. высказывание героя редуцируется еще больше:

– Чем больше думаешь о жизни, тем меньше ее понимаешь. Скоро я перестану думать [6 с. 261].

– Чем больше думаешь о жизни, тем меньше ее понимаешь [7 с. 482].

В машинописной и журнальной версиях основная причина, по которой Виктор решает бросить гранату в комендатуру, – это вовсе не желание уничтожить врага, а разочарованность в собственной жизни, в результате которой Виктор скорее совершает изощренное самоубийство, чем геройский, самоотверженный поступок:

...что мне, пришел домой раненный, но никакого удовольствия нет, а как мечтал, ей-богу, и в окопе, и в госпитале. Во-первых, немецкая оккупация; зверство это с их биржами труда, каторжанство в Германии, голодуха, подлость, немецкие и полицейские хари, предательство проклятых изменников, девушки, извините, блудят на полный ход,

²⁵ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 21.

а как мы их воспитывали и лелеяли... – Он оглянулся на детей и сказал вполголоса: – Борис Исаакович, вы для меня теперь, как отец родной стали, и я вам прямо сказать могу: – Даша для меня первый человек, и я ей верил, как отцу, матери и партийному уставу, а сейчас я получил через нескольких женщин подтверждение, что она в прошлую зиму жила с военным врачом третьего ранга. Это когда я под Мценском бился, она изменяла мне с врачом из тылового подразделения. Так мне кругом все опостылело... Я ей ни слова не сказал, потому что у меня к ней серьезная любовь, которая редко даже в жизни бывает. Но я решение принял: погибнуть в бою за родину все легче, чем так жить. Вот такое решение [1 с. 104].

В изданиях 1946, 1958 и 1962 гг. мотивация героя радикально трансформируется: эпизод, в котором Виктор Вороненко говорит об изменах жены и признается в истинных причинах того, почему он решил добровольно пойти на смерть, вырезан цензурой.

...что мне, пришел домой раненный, но никакого удовольствия нет, а как мечтал, ей-богу, и в окопе и в госпитале. Во-первых, немецкая оккупация; зверство это с их биржами труда, каторжанством в Германии, голодуха, подлость, немецкие и полицейские хари, предательство проклятых изменников [5 с. 158–159].

Признание Виктора, с одной стороны, сближает его со старым учителем: ведь позже читатель узнает, что и Розенталю в молодости пришлось испытать «горечь женской измены», но с другой – оно же окончательно разводит двух героев: пережив измену, старый учитель не просто продолжает жить, но и все более утверждается в своей вере в человеческую доброту. Виктор же, видя, как его сын обижает маленькую Катю Вайсман, говорит:

И что за девочка такая, ей-богу, стоит как овца, откроет глаза и ни плачу, и ничего, хоть бы убежала от дурака, а то стоит и терпит [5 с. 159].

Последние слова Вороненко свидетельствуют о том, что он превратно понимает идею хеседа, следованию которой посвятил свою жизнь Розенталь: он ставит знак равенства между иррациональной добротой и покорностью.

Интересно, что несмотря на многочисленные купюры, поступок Виктора во всех версиях рассказа выглядит стихийным и необдуманном, он не приносит никакого практического результата: от гранаты, брошенной в окно приемной коменданта, погибают не

немцы и не сам комендант – его в этот момент вообще нет в здании, – а поквартальные уполномоченные, которые обыкновенно отбирались из числа местных жителей. Примечательно, что среди прочих от взрыва гранаты погибает тот самый агроном Коряко, совместно с которым Виктор занимался раскулачиванием в довоенное время.

Таким образом, и на уровне замысла, и в первой журнальной публикации автор заостряет мировоззренческий конфликт между Виктором Вороненко и старым учителем Розенталем: первый, разочаровавшись в жизни и людях, фактически совершает самоубийство; второй, вопреки ужасам военного времени, только укрепляется в своей вере в неистребимость человеческой доброты и любви к миру. В позднейших изданиях этот конфликт сглажен, а сам образ Виктора Вороненко сближается с образами народных героев, партизан, которые, рискуя собой и даже находясь на пороге смерти, открыто противостоят злу.

Правда о войне и Холокосте в кривом зеркале цензуры

Третий тип цензурных правок касается изображения реалий войны и Холокоста. Хотя все события, описанные в рассказе, разворачиваются на вполне конкретном историческом и социальном фоне, автор, прежде всего, сосредотачивает внимание на происходящем в глубине человеческого сердца. Война предстает как борьба «духов зла», «тьмы земной», которые пытаются уничтожить доброту, зернышко человечности в душах людей.

Важно, что Гроссман напрямую не отождествляет немецких захватчиков со злом, они лишь «пробуждают» и «тревожат» то метафизическое зло, которое всегда присутствует в мире:

Все темное вызывали они на поверхность, как в старой сказке дурное колдовское слово вызывало духов зла. Маленький город в эту ночь задыхался от темного и недоброго, от зловонного и грязного, что проснулось, зашевелилось, растревоженное приходом гитлеровцев, потянулось им навстречу [5 с. 148].

Проводниками «тьмы земной» при этом могут быть не только немцы, но и предатели, все изменники и слабые духом; все, в ком рождаются мысли о мести «за бабью ссору на рынке, за случайно сказанное слово»; не только те, кто открыто сотрудничает с немцами, но и все, чьи сердца заражаются черствостью, себялюбием,

безразличием [5 с. 148–149]. Таким образом, «Старый учитель» развивает те идеи, которые изложены автором в написанной еще до войны, но опубликованной только в 1946 г. пьесе «Если верить пифагорейцам», где автор сталкивает идею о цикличности истории и концепцию линейности времени. Эти же идеи позже лягут в основу теории «жизненной квашни» из романа «За правое дело» и будут отражены в поздней прозе В. Гроссмана.

В контексте авторского взгляда на природу войны, интересным нам кажется одно, на первый взгляд, незначительное расхождение. В машинописи из РГАЛИ доктор Вайнтрауб задается вопросом о том, как европейский народ, наследник высокой немецкой книжной культуры, мог подвергнуться духовной инфекции фашизма. Однако редактор заменяет слово «книжки» на «клиники», и именно в таком виде этот фрагмент появляется во всех изданиях.

Как культурный европейский народ, создавший такие ~~книжки~~ [клиники], выдвинувший такие светила научной медицины, стал проводником черносотенного средневекового мрака? Откуда эта духовная инфекция? Что это? Массовый психоз? Массовое бешенство? Порча? Или все ж таки немного не так, а? Сгустили красочки?²⁶

Вероятно, что само упоминание немецкой книжной традиции на фоне изображенной Гроссманом галереи персонажей-коллорабонистов (агроном Коряко, Яшка Михайлюк, Маруся Варопонова, остарбайтеры, добровольно выезжающие на работы в Германию) могло натолкнуть читателя на проведение нежелательных параллелей. Если книги немецких философов и основоположников марксизма не помешали немецкому народу стать «проводником черносотенного средневекового мрака», то почему эти книги должны уберечь советский народ от духовной инфекции?

Хотя описание многих реалий жизни в оккупированном городе без существенных изменений переходят из одной версии рассказа в другую, общая картина происходящего значительно смягчается в поздних изданиях. Так, в машинописной версии читаем:

Через город гнали пленных, они шли оборванные, шатаясь от голода и женщины подбегали к ним, давали им куски хлеба, вареный картофель. ~~Пленные дрались из-за этих кусков и ч~~[Ч]асовые, [наводя порядок], били их. <...> Но, несмотря на страшные страдания, они несли свой крест и с ненавистью смотрели на сытых, хорошо одетых полицейских, на носящих немецкие мундиры изменников из нацио-

²⁶ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 15.

нальных батальонов. И ненависть была так велика, что, если б предоставили им выбор, их руки потянулись бы не за горячим караваем хлеба, а к горлу предателя²⁷.

В журнальной публикации из данного фрагмента полностью исчезает второе предложение, где речь идет о драках пленных и жестокости часовых. В сборнике «Годы войны» (1946 г.) из текста пропадает также упоминание о национальных батальонах²⁸. Еще более радикально трансформируется данный фрагмент в сборниках 1958 и 1962 гг., где не только слова «несли свой крест» заменяются на фразу «с презрением», но и целиком пропадает последнее предложение:

Через город гнали пленных, они шли оборванные, шатаясь от голода и женщины подбегали к ним, давали им куски хлеба, вареный картофель. <...> Но, несмотря на страшные страдания, они с презрением и ненавистью смотрели на сытых, хорошо одетых полицейских, на носящих немецкие мундиры изменников [7 с. 485–486].

Таким образом, в журнальной версии конвоированием пленных занимаются полицейские из числа украинцев (в архивном варианте они же бьют дерущихся пленных), а потому вполне закономерной оказывается и особая ненависть к изменникам. Однако во всех последующих публикациях этот смысл постепенно растворяется в результате цензурных правок.

В машинописи отчетливее была выражена и еврейская тема. Более тесно, чем в последующих редакциях, она связана с линией Вайнтрауба. Так, после спасения жизни коменданта, страдающего стенокардией, доктор Вайнтрауб, встретив в канцелярии немецкого врача с орденом железного креста на груди, говорит ему такие слова:

– Здравствуйте коллега, пациент в полном порядке сейчас, ~~нужно только протереть десятипроцентным раствором сулемы те места, к которым прикасались руки еврея~~²⁹.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 26.

²⁸ Речь идет о батальонах украинской охранной полиции, так называемых шуцманшафт-батальонах, которые действовали под непосредственным командованием немцев и принимали участие в массовых убийствах евреев и других карательных операциях.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 25.

Последняя часть фразы, усиливающая драматичность положения, в котором оказался Вайнтрауб и сложность совершенного им морального выбора (его долг как врача спасти человеческую жизнь, но как быть, если руками спасенного и по его приказу через несколько дней будут истреблены все евреи города) вычеркнута и не войдет ни в одно издание. Ни в одной из публикаций мы не найдем и рассказа Вайнтрауба об издевательствах, которым подвергается его дочь:

Если русских девушек заставляют работать на дорогах и дают им двести грамм хлеба, то мою дочь заставляют голыми руками убирать гниющие трупы и тела павших лошадей, которые кишат червями. Если русскую подругу моей дочери за то, что она присела отдохнуть полицейский обругал матерными словами и замахнулся плетью, то мою дочь, когда с ней от страшного зловония трупов сделалась рвота, немецкий жандарм сбил кулаком с ног. Зачем же это?³⁰

Таким образом, изначально Гроссман изображает Вайнтрауба как человека, оказавшегося в безвыходном положении: Вайнтрауб принимает решение о самоубийстве, испытывая моральные терзания после спасения коменданта, наблюдая за ужасающей судьбой своей дочери и не имея возможности уйти в партизаны по причине бронхиальной астмы.

В машинописной версии рассказа мы обнаруживаем и еще одну важную мысль о судьбе еврейского народа, высказанную автором, но так и не дошедшую до читателей. Розенталь, рассуждая об идеологии фашизма, говорит, что еврейский народ – это невинная жертва, которая была принесена при строительстве великой европейской каторги и лестницы угнетения:

Их судьба должна страшить всю великую европейскую каторгу, их принесли в жертву, чтобы самый страшный удел казался счастьем по сравнению с уделом евреев³¹.

Мысль о принесении в жертву подчеркнута в машинописи пунктиром и отсутствует во всех публикациях. Между тем представление о «великой казни» евреев как о жертвоприношении народа-мученика отсылает нас сразу к двум важным религиозно-философским идеям: древнему и повсеместно распространенному

³⁰ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 29.

³¹ Там же. Л. 27.

языческому обряду принесения строительной жертвы и к идее о мистическом теле народа Израиля, зародившейся в лоне иудаизма. Примечательно, что в качестве строительной жертвы при закладке фундамента или стен здания, довольно часто выступала именно женщина с ребенком [17 с. 158]. В свете этого смерть старого учителя и маленькой Кати Вайсман в финале рассказа приобретает дополнительное символическое измерение: они и есть те самые мать и ребенок, с одной стороны, олицетворяющие собой весь еврейский народ, с другой – представляющие собой идеальный образец невинной жертвы, призванной обеспечить крепость возводимой фашистами лестницы угнетения. Высказанное нами предположение о том, что при изображении евреев Гроссман говорит не столько о национальности людей, являющихся частью большой советской семьи народов, сколько о еврейском народе в библейском его понимании, подтверждается словами самого нарратора, который описывает происходящее в душе старухи Вайсман в момент осознания грядущей неминуемой гибели всех евреев:

Страшная[ое] горечь подняла[о]сь в ее сердце, горечь, зревшая [ее] много веков³².

Это короткое предложение, в котором сделано множество мелких правок, войдет во все опубликованные варианты рассказа в принципиально ином виде:

Страшное горе поднялось в ее сердце [5 с. 162].

Таким образом, мы видим, что изначально автор при размышлении о причинах Катастрофы европейского еврейства не ограничивается заданными историческими и социальными рамками, пытаясь осмыслить происходящее с оглядкой на многовековую историю еврейского народа.

Заключение

Проанализировав тексты «Старого учителя», изданные в разные годы, и сверив их с машинописью из РГАЛИ, мы можем сделать вывод, что многие темы и вопросы, поднятые автором в самой ранней версии рассказа, в результате цензурной правки либо вовсе исчезают, либо последовательно минимизируются в поздних

³² РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 36.

публикациях. Трансформация смыслов происходит по четырем основным направлениям: она касается сюжетных линий, связанных со старым учителем, доктором Вайнтраубом и Виктором Вороненко, а также затрагивает изображение реалий военного времени и судьбы евреев на оккупированных территориях.

Борис Исаакович Розенталь в первых военных и послевоенных публикациях рассказа предстает как человек, тесно связанный с еврейской книжной традицией и культурой: он соединяет в себе черты, характерные для религиозных еврейских учителей – меламедов и хасидских цадикиов. Наиболее явно это отражается в машинописи и журнальной версии, и становится менее очевидным уже в первых послевоенных публикациях. В поздних изданиях 1958 и 1962 гг. главный герой превращается в обычного человека, доброго, но слабовольного. Он уже не является образцом святости и человеческого достоинства, а скорее олицетворяет бессилие покорности, характерное для еврейской нации в целом.

Виктор Вороненко, который в машинописной и журнальной версиях рассказа фактически совершает изощренное самоубийство, узнав об изменах своей жены и окончательно разочаровавшись в жизни, в послевоенных публикациях и изданиях периода хрущевской оттепели превращается в народного героя, осмеливающегося открыто противостоять немцам.

Линия Вайнтрауба на уровне замысла более тесно связана с еврейской темой, чем во всех опубликованных версиях рассказа. Изначально его фигура более сложная и неоднозначная: с одной стороны, он спасает коменданта от смерти, с другой, вынужден наблюдать за издевательствами фашистов над собственной дочерью. Он не может уйти в партизаны из-за болезни и выбирает самоубийство в качестве единственно возможной формы сопротивления и сохранения человеческого достоинства. Во всех опубликованных вариантах рассказа еврейская тема будет значительно ослаблена, острые углы жизненных перипетий Вайнтрауба сглажены, а основным мотивом самоубийства станет полное разочарование в жизни и людях.

Четвертая группа цензурных правок касается изображения реалий военного времени и Катастрофы. Обращение к машинописи позволяет с уверенностью судить о том, что уже к 1943 г. для Гроссмана была очевидна суть трагедии еврейского народа в XX в., которую точно сформулировал американский и французский еврейский писатель, прошедший Освенцим и Бухенвальд, Эли Визель: «Не все жертвы нацизма были евреями, но все евреи были жертвами нацизма». Однако эта важная мысль почти полностью утрачивается в поздних редакциях. Многие из того, о чем автор

упоминает в архивной версии, будет также полностью или частично отвергнуто цензурой сначала при подготовке журнальной публикации (упоминание о программе ленд-лиза, драках пленных за еду и «посторонних жильцах» в квартире Михайлюков), а затем и первой книжной публикации (упоминание о национальных батальонах).

Проведя текстологическую сверку текстов «Старого учителя», мы можем сделать некоторые выводы и о механизмах работы советской цензуры. Ближе всего к тексту машинописи, сохранившейся в РГАЛИ, – журнальная публикация. Во всех последующих изданиях количество купюр последовательно возрастает. Последний сборник «Годы войны», который четырежды переиздавался в 1945–1946 гг., был подписан к печати 7 августа 1946 г. за неделю до принятия оргбюро ЦК ВКП(б) постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», т. е. до начала официального ужесточения политики в области идеологии и культуры. Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что цензурные сокращения в нем касаются преимущественно еврейской темы и изображения войны.

Тексты рассказа в том виде, в каком они даны в изданиях 1958 и 1962 гг., практически идентичны³³. Судя по всему, при их подготовке составители опирались не на рукопись, представленную автором, а на текст из сборника «Годы войны». Именно поэтому к купюрам, внесенным ранее, без какого-либо переосмысления добавляются новые, на этот раз касающиеся идейно-философского и религиозного подтекста рассказа. В результате дистанция между изначальным авторским замыслом и его реальным воплощением в поздних публикациях увеличивается еще больше. Парадоксальным образом в период хрущевской оттепели, который традиционно ассоциируется с незначительным, но все же смягчением цензурных ограничений, «Старый учитель» подвергается тщательной ревизии и публикуется в максимально сокращенном виде. Возможно, что спровоцировать такую редакторскую политику, с одной стороны, могла история прохождения в печать романа «За правое дело» и последовавшая после его публикации травля писателя в официальной советской критике, прояснившие для цензоров истинные идейно-мировоззренческие установки писателя. Свое влияние могла оказать и зарубежная публикация романа «Доктор Живаго», и последовавшая вскоре

³³ Основное отличие текста, опубликованного в сборнике 1962 г., от всех остальных версий рассказа, включая машинописную, – это отсутствие финальной сцены с описанием нападения партизан, которую А. Бочаров оправданно считает «прицепленным в угоду редакторам оптимистическим хвостиком» к уже завершённой сюжетной конструкции» [3 с. 155].

травля Пастернака. Третья возможная причина – это драматичная история создания, утверждения и последующего забвения пьесы «Старый учитель», которая, согласно архивным документам, была написана В. Гроссманом на основе рассказа специально для Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ). В течение 1947 г. она дважды проходила согласование и дважды была отвергнута Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром по причине наличия в тексте религиозно-философского подтекста, выводящего конфликт за исторические и социальные рамки, а также еврейской темы³⁴.

С. Липкин в своих мемуарах, комментируя письмо В. Гроссмана из Армении, датированное 26 ноября 1961 г., пишет, что небольшой сборник «Старый учитель» с трудом вышел в «Советском писателе» [19 с. 108]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы не подтверждают этого: и редакторское заключение Ф. Левина³⁵, и рецензия В. Пановой³⁶ говорят о том, что сама необходимость переиздания рассказов не ставится под сомнение. Камнем преткновения является лишь неоднородность включенных в состав сборника произведений, при этом в сохранившихся документах нет упоминаний об интересующем нас рассказе, очевидно потому, что издатели ориентируются на текст «Старого учителя» в редакции 1958 г. и, возможно, личную просьбу автора об исключении финальной сцены наступления партизан.

Исследователи, ранее обращавшиеся к «Старому учителю», никогда не учитывали сложность всех указанных культурно-исторических обстоятельств, повлекших за собой радикальную трансформацию как самого культурного объекта, так и заложенных в него смыслов, а потому первое в истории мировой культуры художественное произведение о Холокосте до настоящего момента остается книгой с запечатанными страницами не только для широкого круга читателей, но и для большинства исследователей.

Литература

1. Гроссман В.С. Старый учитель // Знамя. 1943. № 7–8. С. 95–110.
2. Полян П.М. Свитки из пепла. Жертвы и палачи Освенцима. М.: АСТ, 2015. 608 с.

³⁴Подробнее об этом эпизоде творческой биографии В.С. Гроссмана см.: [18].

³⁵РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 408. Л. 3–5.

³⁶Там же. Л. 1–2.

3. *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 402 с.
4. *Garrard J., Garrard C.* The Bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. New York: The Free Press, 1996. 437 p.
5. *Гроссман В.С.* Старый учитель // Гроссман В.С. Годы войны. М.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1946. С. 143–169.
6. *Гроссман В.С.* Старый учитель // Гроссман В.С. Повести. Рассказы. Очерки. М.: Воениздат, 1958. С. 252–280.
7. *Гроссман В.С.* Старый учитель // Гроссман В.С. Старый учитель: Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1962. С. 472–500.
8. *Кандель Ф.* История евреев Советского Союза (Уничтожение еврейского населения: 1941–1945) // Книга времен и событий: В 6 т. Т. 5. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2006. 416 с.
9. Глазами праведника. Избранные отрывки из книги рабби Леви Ицхака из Бердичева «Кдушат Леви» / Под ред. Э.Р. Иоффе; пер. Я. Доктора. Иерусалим, 2008. 422 с.
10. *Зеленина Г.* «Вся жизнь среди книг»: советское еврейство на пути от Библии к библиотеке // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 60–85.
11. *Вихнович В.Л.* Хасидизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 1145–1146.
12. *Зильбер Б.* «Шлах». Спасательный канат // Иудаизм и евреи. 2018. 5 июня [Электронный ресурс]. URL: https://toldot.ru/articles/articles_30755.html (дата обращения 14 мар. 2019).
13. *Zobel H.J.* Hessed // Theological Dictionary of the Old Testament / Ed. by G. Botterweck, H. Ringgren. Michigan: William. B. Eerdmans Publishing, 1986. V. 5. P. 44–64.
14. *Мелло А.* Божья любовь в псалмах / Пер. с ит. А. Соколова. М.: Издательство ББИ, 2014. 92 с.
15. *Бубер М.* Хасидские истории. Первые учителя / Пер. с англ., нем. М. Хорькова, Е. Балагушкина. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2006. 375 с.
16. *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. М.: АСТ: Хранитель, 2008. 880 с.
17. *Зеленин Д.К.* Строительная жертва // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М.: Индрик, 2004. С. 145–175.
18. *Волохова Ю.А.* «Старый учитель» – забытая пьеса В. Гроссмана // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. СПб., 2019. С. 132–139.
19. *Липкин С.И.* Сталинград Василия Гроссмана. Michigan: Ardis Publishers, 1986. 145 с.

References

1. Grossman VS. The Old Schoolmaster. *Znamya*. 1943;7-8:95-110. (In Russ.)
2. Polyan PM. Scrolls from the Ashes. Victims and executioners of Auschwitz. Moscow: AST Publ.; 2015. 608 p. (In Russ.)
3. Bocharov AG. Vasily Grossman. Life, creativity, fate. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.; 1990. 402 p. (In Russ.)
4. Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. New York: The Free Press, 1996. 437 p.
5. Grossman VS. The Old Schoolmaster. Grossman VS. *The war years*. Moscow: OGIZ: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ.; 1946. P. 143-69. (In Russ.)
6. Grossman VS. The Old Schoolmaster. Grossman VS. *Tale. Stories. Essays*. Moscow: Voenizdat Publ.; 1958. P. 252-80. (In Russ.)
7. Grossman VS. The Old Schoolmaster. Grossman VS. *The Old Schoolmaster*. Novels and stories. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.; 1962. P. 472-500. (In Russ.)
8. Kandel F. History of the Jews of the Soviet Union. Destruction of the Jewish population of Soviet Union (1941–1945). *The book of times and events*. Moscow: Mosty kultury / Gesharim Publ.; 2006. V. 5. 416 p. (In Russ.)
9. Zaddik's world view. Selected fragments from the book by rabbi Levi Ytshak from Berdichev "Kdushat Levi". Ed. by E.R. Joffe. Transl. by Ya. Doctor. Jerusalem, 2008. 422 p. (In Russ.)
10. Zelenina G. "All Life Among Books": Soviet Jewry on the Way from the Bible to the Library. *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 2012;3-4(30):60-85. (In Russ.)
11. Vikhnovich VL. Hasidism. *Religious Studies. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Akademicheskii Proyekt Publ.; 2006. P. 1145-46. (In Russ.)
12. Zilber B. "Shlach". Rescue rope. *Judaism and the Jews*, 2018. URL: https://toldot.ru/articles/articles_30755.html (data obrashcheniya 14 March 2019). (In Russ.)
13. Zobel HJ. Hesed. *Theological Dictionary of the Old Testament*. Michigan: William B. Eerdmans Publishing, 1986. V. 5. P. 44–64.
14. Mello A. God's Love in Psalms. Moscow: BBI Publ.; 2014. 92 p. (In Russ.)
15. Buber M. Hasidic stories. First teachers. Moscow: Mosty kultury Publ.; Jerusalem: Gesharim Publ.; 2006. 375 p. (In Russ.)
16. Grossman VS. Life and Fate. Moscow: AST: Khranitel Publ.; 2008. 880 p. (In Russ.)
17. Zelenin DK. Construction sacrifice. Zelenin DK. *Selected Works. Articles on spiritual culture 1934–1954*. Moscow: Indrik Publ.; 2004. P. 145-75. (In Russ.)
18. Volokhova YuA. "The Old Schoolmaster" – a forgotten play by V. Grossman. *Jews of Russia, Europe and the Middle East: history, culture and literature*: Proceedings of the international scientific conference on April 14, 2019. Saint Petersburg, 2019. P. 132-39. (In Russ.)
19. Lipkin SI. Stalingrad by Vasily Grossman. Michigan: Ardis Publ.; 1986. 145 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия А. Волохова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; carica77@yandex.ru

Information about the author

Yuliya A. Volokhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; carica77@yandex.ru